

Российская Академия Наук
Сибирское отделение
Бурятский институт общественных наук

Диссертационный совет Д 003.26.01
по филологическим наукам

На правах рукописи

УДК 942.3/413
П20

ПАТЛЕВА ВАЛЕНТИНА ДУГАРОВНА

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЛЕКСИКА ТУНКИНСКИХ БУРЯТ
(на примере обрядовой)**

Специальность 10.02.16 - монгольские языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ 1996

Диссертация выполнена в отделе языкознания Бурятского
института общественных наук Сибирского отделения Российской
Академии наук

Научный руководитель – доктор филологических наук,
член–корреспондент РАЕН, профессор Рассадин В.И.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Золхоев В.И.
кандидат филологических наук, профессор Шулунова Л.В.

Ведущая организация – Иркутский государственный университет

Защита состоится " 28 " марта 1996 г. в 10 ч.
на заседании диссертационного совета Д.003.26.01 в Бурятском
институте общественных наук СО РАН (670047, Бурятия, г.Улан-Удэ
ул. Сахьяновой, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бу-
рятского научного центра (г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).

Автореферат разослан " 23 " февраля 1996 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Дырхеева Г.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. История развития традиционных обрядов бурят, и их лексика в частности, не нашли должного внимания на сегодняшний день в историко-этнографической и этнолингвистической литературе. Между тем изучение обрядовой лексики представляет собой не только большой научный лингвистический, исторический и культурологический интерес, но и имеет практическое значение, так как изучение состояния, тенденций развития обрядов важно для формирования новых факторов национальной культуры, традиционных обычаев и обрядов в повседневной жизни бурят.

Кроме того, актуальность и необходимость этой темы заключаются в том, что в настоящее время усиливается интерес бурятского народа к своей традиционной национальной культуре, возросла тяга к познанию утраченных ценностей своей этнической культуры, традиций и обычаев. В ещё недалеком прошлом невнимание советских историков и социологов к вопросам традиционной этнокультуры и религии было одним из орудий духовного ослепления народа. Возникает практическая необходимость возрождения и реализации бере или иного обряда или его элемента в конкретном действии, ознакомления молодого поколения со старинными обычаями и обрядами бурят.

В историк науки имеется ряд трудов, касающихся истории, этнографии и языка тункинских бурят. Среди них наиболее известны исследования, например, этнографов Н.М.Астырева, П.П.Хороших, Л.А.Чистохина, сумбулов Потаниных, С.П.Вадяева, И.И.Герасимовой, К.Д.Бесаевой, лингвистов Ч.М.Аэстрена, К.М.Черемисова, Д.А.Абазьева, У.-Ж.Ш.Дондукова, В.И.Рессадина. Эти исследования сыграли свою роль в развитии бурятской этнографии и языкознания, значительно обогатили изучение бурятской лексикологии. Но несмотря на это, они были, как правило, направлены

на анализ какой-либо одной проблемы – традиционно-фольклористической, диалектологической, либо историко-этнографической. Широкие же сопоставительные и сравнительно-исторические изыскания лексики тункинского говора, тем более в рамках отдельных лексико-семантических групп, в бурятоведении не проводились.

Актуальность темы исследования обусловлена релевантностью подхода к анализу лексики в плане выявления её общности и специфики по отношению к другим монгольским языкам. Раскрытие и научное описание содержательной структуры слов с сугубо национальной этнокультурной семантикой во всем их объеме и многообразии имеет чрезвычайно важное значение для исторической лексикологии.

Сопоставительные исследования диалектной лексики в рамках отдельных лексико-семантических групп имеют большое значение для более полного выявления лексического богатства живого бурятского языка, для установления реальных потенциальных возможностей развития и обогащения словарного состава бурятского литературного языка за счет диалектных ресурсов. Всё сказанное выше и обуславливает актуальность исследуемой темы.

Целью нашей работы является изучение особенностей словарного состава тункинского говора на примере обрядовой лексики, и этнолингвистический анализ и её сопоставление с диалектами бурятского языка и другими языками-контактёрами, установление общих с ними и специфических черт. Такой подход к исследованию даст возможность полнее раскрыть природу происхождения слов, выявить ценности народных знаний в том или ином обряде.

Для выполнения цели в исследовании поставлены и решены следующие конкретные задачи:

- описание обрядовых лексических единиц тункинского гово-

ра на базе лингвистических данных;

– исследование обрядовой лексики с точки зрения её отношения к истории и этнографии тункинского бурятского этноса, а также выяснение его культуры в главных её чертах;

– выявление этнокультурных лексических единиц тункинского говора общи с другими диалектами бурятского языка и с другими монгольскими языками; определить их как следствие генетической общности или результат тесных языковых и этнокультурных контактов их носителей в историческом прошлом;

– рассмотрение известных (чётких предельных лингвистических явлений) и изопраги (следствий этнографических явлений) в рамках семасиологии, сопоставление слов и устойчивых словосочетаний тункинского говора с национальными и обрядовыми значениями с аналогичными параллелями, имеющимися в бурятском языке, других монгольских языках путём их семантической классификации, анализ общего и особенного в обрядовой лексике тункинского сравнении с другими диалектами бурятского языка и с монгольскими языками.

Научная новизна работы. впервые в бурятоведении произведена историко-семантическая и этимологическая работа обрядовой лексики тункинских бурят. в работе впервые выделены основные семантические группы обрядовой лексики тункинского говора и осуществлен их подробный анализ на фонемном, морфемном и лексемном уровнях.

Системный подход к анализу обрядовой лексики и приведение в связи с этим лингвоэтнографические данные позволили проследить конкретную историю и эволюцию духовной культуры в главных её чертах и получить определенное представление о её древней первичной структуре, с одной стороны, и выявить их историко-культурные контакты, восходящие к глубокой древности, не

только с монгольским миром, но с иными этносами, с другой.

Научная и практическая значимость работы заключается в том, что фактический и теоретический материалы исследования могут быть использованы в разработке данной проблематики в других родственных языках, при составлении этнолингвистических словарей, при разработке курса лексикологии на монголоведных отделениях вузов, школьном изучении бурятского языка.

Методика исследования. В диссертации этнокультурная лексика анализируется методом комплексного описания языковых и этнографических данных. В исследовании применены такие методы и приёмы, как сравнительно-исторический, сопоставительный, внутренней и внешней реконструкции, структурно-семантический, системно-структурный.

Источником обрядовой лексики явился фактологический материал, собранный автором у носителей тункинского говора, факты из фольклорных текстов, материалы из опубликованных статей и монографий, дающих описание тункинского говора. Кроме того, по мере необходимости привлекались к этнолингвистическому анализу материалы этимологических, диалектологических словарей.

Апробация работы. Результаты и основные положения диссертации докладывались на научных сессиях Бурятского научного центра СО РАН (1992, 1993 гг.), на региональной научно-практической конференции министерства образования Бурятского научного центра СО РАО (1994 г.), на заседании Учёного Совета отдела языкознания Бурятского института общественных наук. По теме работы опубликованы 2 статьи и 2 тезисов научных докладов.

Структура работы. Реферируемая работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются цель и задачи диссертации, её научная новизна, научная значимость, даётся краткая характеристика используемого материала и методов исследования, её апробация и структура.

Кроме того, введение содержит краткое изложение истории вопроса, где рассматриваются некоторые общие вопросы исторической этнолингвистики, изложены задачи и методы её изучения, предметная область и роль в истории языка и этноса, содержится краткая характеристика этнокультурной (обрядовой) лексики, обращено внимание на её основные специфические, структурно-семантические и экстралингвистические свойства. Также дан анализ языковой ситуации в Центральной Азии, проблемы происхождения и развития алтайских языков, значения языка в обрядах, краткий обзор этнографических и лингвистических исследований бурятского языка, подробные сведения о родоплеменных группах тункинских бурят и о состоянии изученности тункинского говора. Диссертант придерживается современной классификации бурятских диалектов и поддерживает отнесение тункинского говора к промежуточной между восточным и западным диалектами "присаянской" группе, что доказывает в своих трудах В.И. Рассадин.

Первая глава "Лексика, связанная с обрядами жизненного цикла человека" посвящена сравнительному анализу диалектных терминов, относящихся к наиболее распространенным обрядам, сопровождающим человека с момента рождения до его смерти. Здесь решается проблема выявления лексики, специфической для тункинского говора, имеющей заметные отличия по словарному составу от западнобурятского диалекта и от литературного бурятского языка.

§ I. "Лексика обрядов детства". Многодетность у бурят всегда почиталось за счастье, отсутствие детей считалось наказанием

свыше. Различные обычаи и обряды призывания счастья, семейного благополучия, удачи жизненной силы (Һүлдэ, халх., калм. - сүлд), широко бытовавшие в жизни бурят, в первую очередь содержали просьбу-пожелание послать как можно больше детей. Желание иметь детей, сознание необходимости продолжения рода было настолько велико, что оно породило обычай при отсутствии своих детей усыновлять чужих - үсибүү үргэжэ абаха. Если дети оставались сиротами, их усыновляли. Үргэхэ - ср.: лит. бур. үргэхэ - 1. поднимать, 2. перен. поднимать или ставить на ноги, воспитывать, выращивать, халх. өргөх - өргөж авах - усыновлять, өргөмөл - приемный (ребёнок), калм. өргх воспитывать, растить.

В семьях, где часто умирали дети, ребёнка нарекали неблагозвучным именем, чтобы отвлечь от него таким образом внимание злых духов. В Тунке встречались имена, обозначающие животных: Буха (бык), Хуса (баран), Азарга (жеребец), Гүлгэн (щенок), Булган (соболь), обидные прозвища: Эдюур (кормушка), Бахана (столб), Эмэ (баба), Хаб хара (очень черный), Малаан (плешивый), Памган (женщина) и т.д. Этимологию таких имен А.Г. Митрошкина связывает с обрядами с участием животных, где иные верующие протаскивали ребёнка несколько раз под стоячей собакой, возможно с этим и связаны имена Нохой (собака), Шара нохой (желтая собака), Эмэ нохой (собака сука), Гүлгэн (щенок) и т.д.

Родины открывают жизненный цикл человека, занимая особое место в системе семейных обрядов благодаря значению, которое придается факту рождения ребёнка. С наступлением родов тункинские буряты приглашали к роженице повивальную бабушку - хүйһэ хүндэһэн эхэ, ср.: халх. эх баригч авгай, которая пользовалась уважением и почетом в этой семье. Пупок (хүйһэн) перевязывался специально приготовленными нитками из сухожилий рогатого скота (шүрмэһэн һаб дважды. Пуповину перерезали между двумя узлами ножичком или нож-

ницами, приложив к ней ковыль (сялгана), ср.: лит. бур. хилгана, халх. хялгана), приговаривая: "Хүүни мяха хайшалнагээб, сялгана хайшалнаб" (стригу ковыль, а не человеческое мясо). Отпавшую пушнину не выбрасывали, а хранили, часто подвешивали к люльке.

Хүйтэн – пупок, ср.: халх. хүйсэн id, калм. киисн id, стп.-м.

күйсүн. Роженица считалась нечистой – бузартай. Бузар – ср.:

лит. бур. бузар – грязь, нечистоты, халх. бузар id, калм. буэр

1. грязь, 2. мерзость, гадость, 3. ужасное, отвратительное, стп.-

м. бузар id. Поэтому она не могла подходить и прикасаться к

огню, держать посуду; запрещалось переступать через порог. По истечении трех дней она должна была пройти обряд очищения – арюулган.

Арюулган – ср.: лит. бур. арюулха – очищать, рел. освящать,

халх. ариутгал – очищение, калм. эрүлх – очищать, освящать. Крест-

ная мать ребенка окуривала её можжевельником – ямаан арса, обмывала аршаном.

В обрядах детства важное значение имел обряд тоонтолхо – за-

хоронение послета (у тункинских бурят хүүхэни нүхэр (букв. друг

ребёнка). Тоонто – бурятское слово, в других монгольских языках

параллелей нет, халх. – хойдос ихэс, калм. – ихэс, стп.-м. ikes id.

По поверьям бурят-шаманистов и бурят-ламаистов с последом

связана жизнь ребёнка, и поэтому необходимо было уберечь, чтобы

никто его не осквернил. У всех монголоязычных народов этот обряд

аналогичен: местом захоронения была ямка под полом дома, только

выбор конкретного места был отличным. Аналогичный обряд существ-

зует у эвенков-орочонов и называется гирки (букв. его товарищ).

Сведения информантов-тункинцев вводят новое в этом обряде: в семье,

где дети умирали часто, послед оставляли в поле или в лесу –

гээжэ байгаа. Если в течение трех дней послед исчезал, считалось

хорошей приметой, а если лежал нетронутым – плохой. Все действия

обряда базировались на архаических религиозных представлениях.

Обряд "үүбэйдэ оруулха" – первое пеленание ребёнка в колыбель. Главным атрибутом этого обряда являлась колыбель-люлька. Үүбэй (тунк.) – колыбель, зап.бур., окин. өөбэй I. колыбель, дитя, лит.бур. үлгы, ольх. үлгээ, халх. өлгий, калм. өлгэ – колыбель. У балаганских бурят обряд назывался торолго (букв. удержание). Отношение к колыбели было весьма суеверным. Старую колыбель могли использовать только от родителей мужа – хадамһаа, делать колыбель заблаговременно и иметь вещи для новорожденного считалось у бурят греховным. По этому поводу есть поговорка: "Түрөөгээ үсибүүндэ түмэр үүбэй бү түсёорэ (не готовь люльку до рождения ребёнка)".

У всех бурят бытовал праздник милаангад (тунк.), милаангууд, милаага. Слово милаангад (зап.уст.) означает "I. суп, варившийся для роженицы, 2. день рождения". Слово мила: мила хүрэтэрөө эдихэ – "наедаться до отвала" (См.: Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь, с. 296). Ср.: халх. мялаах – "угощать, дарить что-либо за обновку; устроить угощение по случаю обновки; угощать по случаю чего-либо" (См.: Лувсандэндэв А. Монгольско-русский словарь, с. 254), калм. милаһуд (milajud) – "I. праздник дня рождения, 2. пир по случаю рождения ребёнка" (См.: *Ramstedt J.J. Kalmückische Wörterbuch* с.262), стп.-м. milaga-(milajog) "мазать маслом; выполнять ритуал по случаю рождения ребёнка, нового жилья и других новых предметов мазанием маслом, молоком и т.д., призывая счастливую фортуна"; milajud : milajud xurim – "пир по случаю рождения ребёнка" (См.: *Mongolian-English Dictionary*, p. 538-539).

Здесь надо согласиться с выводами К.Д.Басаевой (1991, с.74), что милаангууд – по всей вероятности, очень древний обычай, восходящий к родовому обществу, и первоначальный смысл этого общественного празднества представлял собой посвящение, приём в члены родового коллектива нового человека. Для милаангууд – обязатель-

ного праздника – обряда в честь каждого ребёнка – необходимо было приготовить столько мяса и угощений, чтоб их не только хватило на всех присутствующих, но и каждая семья могла бы непременно получить определенную долю домой. Этот праздник у различных локальных групп бурят отмечался в разные возрасты детей. Например, у кудинских и ольхонских бурят – от 2 до 7 лет, у хоринских – в I год, у баргузинских – между 10 и 20 годами, у агинских, закаменских, унгинских, аларских, тункинских справляли вместе с обрядом пеленания ребёнка.

В лексике обрядов, связанных с сохранением жизни ребёнка у тункинских бурят встречаются такие термины, как хорюул – запрет, табу, ср.: лит.бур. хорюул, халх. – хориул, цааз, цээр, калм. херүд – в том же значении. С целью сохранения жизни ребёнка в первый год его жизни, а в некоторых случаях и более, в дом, где был новорожденный, не допускались посторонние. В знак запрета около крыльца устраивались специальные опознавательные знаки. У тункинских бурят этот знак представлял собой сооружение из трех березовых палок, которые раскладывали на земле в форме буквы П. Он назывался сонтоо, у закаменских бурят – сантуу. В лит.бур. и других монгольских языка этот термин отсутствует.

Самым действенным оберегом считался своеобразный амулет, данный шаманом – хасюуһан – 1. талисман, амулет, ладанка; 2. гений-хранитель, ср.: лит.бур. хасюуһан, халх. сахиус, калм. сэкусн. В качестве оберега могли служить шкурки зверьков, колокольчики, ленточки, стрелы и т.п., и хранились они где-нибудь в доме.

В § 2 "Лексика свадебных обрядов" рассмотрены основные поэтапные элементы свадебного обряда, которые тункинские буряты соблюдали ещё в недалёком прошлом. Брачная обрядность у бурят была связана с браком по сватовству и характеризуется исключительной сложностью и многообразием различных церемоний и ритуалов. Отсю-

да и очень богатая лексика обряда.

У тункинских бурят ощущается довольно сильное влияние ламаизма, что находит своё отражение и в свадебной лексике. Сравним некоторые тункинские термины свадебного обряда с соответствующими терминами из западного диалекта: тунк. удэр харуулалга - назначение срока свадебных обрядов ламой по астрономическим книгам - в западном диалекте: удэр гаргалга - назначение срока свадьбы по соглашению обеих сторон; тунк. хадаг табилга - преподношение священного шелкового хадака - в западном диалекте: худын архи - преподношение водки сватам; тунк. зула бадараалга - зажигание свечи перед бурханом, что, кстати, считается юридическим актом в сватовстве, в западном диалекте соответствующего по содержанию термина нет.

В то же время многие термины свадебного обряда являются в тункинском говоре общепурятскими: хорим, ср.: лит.бур., халх. хурим - свадьба, пир, калм. хурм - свадьба, свадебный пир; пир, стп.-м. quxim id; пуралта - сговор, ср.: лит.бур. пуралта - запрос, халх. сурах - спрашивать, сурал - запрос, стп.-м. suragu - спрашивать; худа оролсолго - сватовство, ср.: лит.бур. худа оролсолго id, халх. хүүхэн гүйх, калм. неге бортхо арьки - первое сватовство, хойр бортхо арьки - второе сватовство, горван бортхо арьки - третье сватовство; угтамжа - встреча свадебного поезда, у всех этнических бурят используется этот термин, ср.: монг. угтлага, уулзалт, угтах - встреча; энжэ - приданое невесты, ср.: лит.бур. энжэ - в этом же значении, халх., калм. инж - приданое, стп.-м. injt id - приданое; мордолго - отъезд, ср.: лит.бур. мордолго - отъезд, мордохо - садиться на лошадь, отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать, халх. мордох - уезжать, калм. мордх - уезжать, мордлин - отъезд, стп.-м. mordagu - уезжать. У всех главное первое значение: садиться верхом на ло-

шадь. Для тункинского говора в свадебном обряде характерны такие специальные термины, как ходороон – проводы невесты, наада эн-дэлгэ – нарушение ёхора при въезде к дому жениха, самалгаа – калым, хүнжэлын бэрээдэһэн – пир одеяла, тулбэри – подарок невесте при сватовстве, сэмэлгэ – одаривание подарками жениха и невесты на свадьбе. Рассмотрим такой интересный обычай как хүнжэлын бэрээдэһэ оёлго – пир одеяла, который справлялся на девичнике. Согласно этому обычаю, женщины (родственницы, соседки) пришивают к меховому одеялу шелковый платок с таким условием, чтобы не было ни одного узелка и не обрывалась нить. Пришивание сопровождалось благопожеланиями. Под платок кладут деньги, собранные у гостей. Через три дня после свадьбы у родителей жениха распарывают этот платок. Ритуал называется хүнжэлын бэрээдэһэ нээлгэн. И тут нитка не должна обрываться, её сохраняют для того, чтобы завязывать пуповину первенцу.

Здесь приводятся благопожелания, которые сопровождают каждый обряд.

§ 3. "Лексика похоронно-поминальной обрядности". Погребения в Тунке связываются с предписаниями священных книг ламаизма, отражающие веру в потусторонний мир, и, соответственно, похоронно-поминальная лексика в основном ламаистские. Например, наступление смерти обозначается следующими терминами: наһа бараха – кончить жизненный путь, бурханай орондо ошохо – отправиться в страну богов, хэмтэ газарта хүрэхэ – дойти до места погребения, бурхандаа хариха – вернуться к богу, бооридо хони хасахаяа ошохо – уйти в горы пасти овец. Эти термины связаны архаичным обычаем бурят умерщвлять старцев, доживших до определенного возраста.

Все разновидности погребения у тункинских бурят, как и у всех монголоязычных народов, отличает одна характерная черта – они были наземные: оставляли прямо на поверхности земли, прик-

рыв покойника камнями, деревьями: на аранге – на длинном помосте; бросали в воду; сжигали (обычно тела шаманов). Основной смысл погребальных ритуалов сводится к исполнению сокровенного желания умирающего – обрести хорошее перерождение – хайхан түрэл олохо, дээшээ түрэхэ.

Здесь также даются пояснения к обрядам яһа барьха (букв. лежать кости) – обряд сожжения и захоронения покойного, газар гуйха – обряд прошения земли для покойника, далга абаха – обряд уделения блага в семье после покойника, далга – ср.: халх. даллага авах < , даллага id , калм. далгна: далгна мах – жертвенное мясо, стп.-м. dalalga – призывание счастья, в буддизме и шаманизме обряд жертвоприношения; буян хэхэ – обряд проводов души умершего, буян – 1. добродетель, заслуга, 2. благоденствие, ср.: лит. бур. буян хэхэ – в том же значении, калм. буие келген, стп.-м. буян id ; зула бадарааха – зажигание свечи в доме покойника в течение 49 дней, зула – лампадка, ср.: халх. зул – лампадка, калм. зул – id , стп.-м. жула id ; юрөөл маани абаха – обряд призывания счастья, чтобы умерший достиг рая; термин хойлго – лошадь, предназначенная для отвоза умерших. Этимологию термина "яһа барьха" М.И. Хангалов (См.: Хангалов, 1958, Т. I, с. 24) относит к временам зэгэтэ-аба, когда покойника сжигали вместе с его снаряжением, конем и даже слугами. Этот обряд сожжения называется хөнгөлхө (облегчить). Все участники процессии возвращались домой, причем никто не должен был оглядываться назад. По истечении трех дней, которые назывались харатай (черные дни) родственники, взяв с собою еду, отправлялись на место сожжения покойного. Собирали всё оставшееся от него и от вещей и от вещей с ним положенных, в особый сосуд и закапывали в землю, после чего, помянув душу покойного обильной выпивкой и закуской, уезжали. Этот обряд

и назывался яһа барьха – держать кость. Г.Р.Галданова термин яһа барьха связывает с переодеванием покойника: кто по указанию ламы переодевает его, тот считался яһынь барья – держал кости (См.: Галданова, Закаменские буряты, 1992, с.150). У тункинских бурят современное значение словосочетания яһа барьха – ухаживать за больным или престарелым до его смерти, хоронить, устраивать поминки. Термин газар гуйха – прошение или купля земли у хозяев местности для покойника. Для процедуры купли земли для умершего лама раскладывал на земле кусок белого войлока или белой материи размером с гроб и очерчивал этот кусок рогом антилопы (оронго) или клыком кабана.

Сравнительное исследование похоронных обрядов тюрко-монгольских народов показывает их сходность, что говорит о религиозной, историко-культурной и этногенетической связи этих народов.

Вторая глава "Лексика обрядов, связанная с хозяйственно-бытовой деятельностью человека". Также как и весь жизненный путь человека хозяйственно-бытовая деятельность его сопровождается множеством обрядов и традиций. В этой главе рассмотрена лексика тункинского говора наиболее распространенных обрядов и обычаев, связанных с жилищем, животноводством и охотой.

§ I. "Лексика обрядов, связанная с жилищем". В бурятском языке традиционное жилище обозначается словом "гэр" (дом). Гэр ср.: халх. гэр, калм. гер (юрта), дом, жилище. Говорить однозначно, что у тункинских бурят, как у всех западных, не было войлочных юрт, было бы неверно, ибо описания разных путешественников вызывают сомнения, они разнородны, а иногда и противоречивы. В данное время в тункинском говоре не сохранились термины, связанные с войлочной юртой – "һэеы гэр", войлок вообще в тункинском говоре – "эһэгээ". Тут приведены примеры из описаний путешественников ХII –ХУШ вв. (Избранта Идеса, П.С.Палласа, И.Г.Георги, М.Та-

таринаова, Ф.Ланганса, И.Э.Фишера, С.П.Крашенинникова, Н.Астырева). Описываются древние жилища западных бурят бүхээг, отог, балагаан, урса гэр, тормо гэр, также термины монгольской юрты. Бүхээг – конусообразное жилище из жердей, покрытые шкурами животных. Ср.: халх. бүхээг – 1. ларек, лавка, 2. тент экипажа (у Цэвэла с.120) бүхээг – прикрытые от солнца, ветра и т.д., стп.-м. вүкүүдөг – тент или покрытие на повозке; лацуга, хибарка; хижина, лацуга. Отог – ср.: халх. 1. артель охотников, 2. огнище, отог – клан, род. калм. отг/оток – административная единица, стп.-м. оту – род, клан, административная единица, др.-тюрк. отай, отаг – шатер, жилище < тюрк. ота = зажигать, топить (печь) < тюрк. от огонь (у Севортяна: с. 484–487 о тюркской этимологии). Балагаан – ср.: халх. балгас – город, калм. балгисн – город, стп.-м. balgasin – город. Урса гэр – ср.: халх. урц – чум, калм.лит. нет, калм. по Рамстедту: см. с.451–452) urtsa – хижина типа чума, но без дымового отверстия, стп.-м. urula – чум, шалаш (см. Цэвэл, с.600). У якутов ураһа (ураса) – чум, юрта типа чума. Для тормо гэр – нет соответствий.

Из исследований В.А.Михайлова, более подробно изучающего эволюцию бурятского жилища, видно, что войлочная юрта у западных бурят, если даже и существовала в ранний период в некоторых местах, не получила дальнейшего распространения. Таким образом, терминология строительства традиционных бурятских жилищ у тункинских бурят в основном касается деревянной 4-х, 6-ти, 8-ми стеновой юрты, иногда их называют "баряад гэр" (бурятская юрта), "түхэрэон гэр" (круглая юрта), а так как к концу XIX века на зимней стоябище "үбэлзээн" строили дома русского типа "соол", современная терминология состоит в основном из заимствованных слов (пеша, налиишниг, пильтаа, перегсон, астайха), но в отличие от восточно-бурятского говора сохранились западно-бурятские термины бу-

рятской деревянной юрты: например, тунк. шагаабар ср.: лит.бур. онгоошхо (от русского "окошко"), сонхо (заимствовано с китайского языка), тунк. үнээ ср.: лит.бур. потолоог, оёор - ср.: лит. бур. палааха, тунк. булан ср.: лит.бур. углуу. Здесь дана этимология слова "соол", которую В.И.Рассадин (1988, с.70) возводит к тюркским языкам.

Кроме круглой 4, 6, 8 стеной юрт в Тунке строили такие виды юрт, как "пирэг гэр" (букв. дом-пирог) - низкая четырехскатная прямоугольная юрта, "залгаа гэр" (букв. соединенная юрта) - юрта-трехстенка, пристроенная к дому русского типа, "яваншаа соол" - дом с четырехскатной крышей, яваншаа - этимология слова неизвестна, есть и у окинцев.

Также здесь рассмотрены такие обряды, как газар шэнжэлхэ - выбор места постройки, гэри һуури тодхохо - закладка фундамента дома, митнаае найр - праздник матины, шэнэ гэртэ оролго - въезд в новый дом.

В § 2 "Лексика животноводческих обрядов" рассматриваются термины, связанные с половозрастными особенностями некоторых животных, с белой пищей (сагаан идеэн), мясной, с правилами угощения ими (сагаа барилга, төөлэй табилга), с конскими снаряжениями, с правилами содержания скота, с выделкой шкур, а также с обрядами энагэа хэлгэ (изготовление войлока), сагаалуулха (освящение белой пищей), маг гаргалга (умерщвление животных), арбуулха (очищение животных). Все молочные продукты в бурятском языке носят обобщенное название сагаан эдеэн (белая пища, ср.: халх. цагаан идээ. Исходным сырьем всей белой пищи является цельное молоко - сүү (тунк.), ср.: лит.бур. һүүн, зап. үһэн, халх. сүү, калм. үсн.

В ХУП и ХУШ вв. основным видом хозяйственной деятельности бурят являлось кочевое скотоводство. В XIX веке у тункинцев преобладало скотоводческо-промысловое хозяйство, разводили крупный

(үхэр - корова, морин - лошадь, Һарлаг - як) и мелкий (хонин - овца, нимээн - коза) скот. Скотоводство давало пищу, одежду и материал для жилища. В этом параграфе также приводится этимология некоторых слов, как сии, Һаб, Буртан, салма, которых В.И. Рассадин путем внутренней реконструкции восстанавливает и тюркским.

Окинские и тункинские буряты вместо обычного домашнего скота в большом количестве держали тибетских яков и хайнаков, которые хорошо приспособлены к высокогорному саянскому климату. У.-Ж. Ш. Дондуков, исследовавший этот говор в 1958 году, находит названия этих необычных домашних животных: хайнак - помесь яка с коровой, ср.: монг. хайнаг - помесь коровы с яком, ортоомо - помесь сарлыка с хайнаком, ср.: монг. ортоом - 2-е поколение от скрещивания коровы с яком, уһа гүзээн - приплод от ортоомы, хүхэ нүдэн - приплод от уһа гүзээн, зари - кастрированный олень старше 4-х лет, Һарлаг - як, ср.: монг. сарлаг - як. Эти термины встречаются и у окинцев и закаменцев.

§ 3. "Лексика охотничьих обрядов". Охотничье право бурят сохранило следы первобытнообщинных отношений, выражавшиеся в равном участии всех членов рода в охоте и в продуктах добычи. Наиболее древней формой охоты, объединявшей большое количество родов, являлась облавная охота. У западных бурят она была известна под именем зэгэтэ-аба, у восточных - аба-хайдак, которые впервые описали М.Н. Хангалов и И. Вамбоцыренов, и которые по сей день остаются наиболее полным и уникальным источником для исследователей. Происхождение терминов облавной охоты зэгэтэ-аба и аба-хайдак вызывают большой спор среди учёных. Здесь приводятся версии М.Н. Хангалова, В.А. Михайлова, С.Г. Жамбаловой, А.Н. Содномова, Ш.-Н.Р. Цыденжапова, С.П. Балдаева, И.А. Подгорбунского, И. Вамбоцыренова. Тункинские буряты также принимали участие в крупных зэгэтэ-аба, как

тайтурская и хэрмэн. Тут приводится проведенный С.Г.Жамбаловой сравнительный анализ иерархии участников и лексем зэгэгэ-аба и аба-хайдак.

Бурятская система охотничьих терминов основана на общемонгольских. Здесь рассматриваются термины некоторых специфических названий диких животных, снаряжений охотника, видов охот тункинских бурят, как гэндэ – соболь-самец, хабтагай хултэ – россоха, дэснаан – оленья самка, тагалтар – двухлетний изюбр, бадангаа – кабарга, зупаг зерэ – двухлетняя дикая коза, бэдээхэй – самка кабарги, емба – маленькая медная чаша со складываемой треногой, ту-еэнсэг – круглая кожаная сумка, матаар аяга – деревянная пиала – эти термины встречаются у окинцев; дэбтээртэ һууха – охотиться в засаде, устроенной на дереве, һуурьдаха – облавная охота, марсада һууха – подкарауливание изюбра на искусственных солонцах, бадангаада нүрөө сабсаха – устраивание ловушки кабарге, һаали табиha – ставить лук-самострел.

Третья глава "Лексика культовых обрядов". На протяжении своего культурно-исторического развития буряты, как одна из наиболее крупных этнических групп монголов, исповедывали различные религии, возникшие как на собственно бурят-монгольской основе, так и привнесенные извне в различных исторических условиях.

В этой главе рассматривается лексика традиционной религии бурят и монголов, возникшей на основе древних верований протомонголов и развившейся в законченную систему называемой бурятским шаманизмом; ламаистской религии (буддизм), распространенной среди бурят через Монголию из Тибета, которая более чем за двухсотлетнюю историю своего утверждения оказала решающее влияние на духовную жизнь народа, значительно вытеснила традиционную религию в Завбайкалье и лишь частично в Предбайкалье.

В § I "Лексика традиционно-шаманских обрядов" приводится эти-

мология лексических единиц, обозначающих шаманские обряды, понятия и названия различных духов тункинских бурят. К примеру, этимология терминов бөө (шаман), оидигон (шаманка) вызывают большой спор среди ученых, здесь приводится исследование В.И.Рассадиной, который относит их к тюркскому, что объясняет о древнейших взаимосвязях тюркского и монгольского этносов в области первобытных верований. Также дается понятие удха (утха): ср.: лит. бур. удха - 1. род, происхождение, преемственность, 2. смысл, значение. Термин в I значении встречается только у западных бурят. У Манжигеева (См.: Бурятские шаманистические и дошаманистические термины, 1978, с.75): удха - шаманистическая наследственность, мистическая вера шаманистов в волшебную силу шаманов, якобы придаваемую им их духами-предками; халх. утга - содержание, значение, калм. I. нож, ножик, 2. смысл, содержание, учр-утх - сущность, суть.

Халууни удха - собственно родовое происхождение, идущее от прямых предков рода по отцовской линии.

Хари удха - чужеродное, пришлое происхождение, передается по линии матери.

Нэръээр удха - небесное происхождение, кузнецы считались избранниками неба и некоторые из них становились потомственными шаманами.

Сагаани бөө, харайн бөө - белый, чёрный шаман. Во время массового скотоводства появились "сагаани бөө" на месте прежних гордых шаманов-начальников, которые в этот период получили название "харайн бөө". Белые шаманы заменили человеческие жертвоприношения животными, главным пищевым продуктом в религиозных обрядах стало молоко. Они одевались во всё белое и ездили на белом коне (См.: Хангалов, 1958, Т. I, с.87).

В этом параграфе также рассматриваются функции и термины об-

рядов тункинских бурят как: хадта муркхэ – молебен хатам. Слово хат (хад) И.А.Манжигеев (1978, с.83) объясняет как форму множественного числа от "хан". Однако название "хад" идентифицируется с "хада" (гора), поэтому понятия эти сливаются, означая один и тот же объект культа; үтэргэй үбгэдгэ муркхэ – молебен духам местности.

Үтэг – ср.: лит.бур. үтэг – усадьба, үбгэн – старик; у восточных бурят обряд называется сабдагта үргэхэ, сабдаг – ср.: лит.бур. хоэлин местности, калм. евгүд. авһад, у монголов, калмыков – цаган-Эбүген – дух владыка местности, Албан хадта үргэлгэ – шаманский обряд духам-покровителям мальчиков различных возрастов с целью ограждения их от болезней. Ср.: албан – лит.бур. 1. служба, обязанность, ритуал; ясаk, дань, подать; повинность, этикет, 2. зап. оспа. Вероятно, словом албан стали называть оспу, являющуюся бременем, долгом каждого человека перед духами-покровителями оспы, которым обязательно посвящали обряд жертвоприношения; Ангарайн аманда үргэлгэ – молебен хозяину реки Ангари Ама Сэгаэн Нойону. Здесь аман в значении исток. В Тунке этот обряд исполняют, когда человек выезжает надолго за пределы аймака. Реку Ангару шаманисты считают священной; гүйдэг гаргалга – обряд изгнания "гүйдэг". Гүйдэг (тунк.) < гүйхэ – бегать (смертоносный дух). В других диалектах в этом значении нет соответствий; һүнэйгэ дуудалга – обряд призывания души человека. Һүнэйгэн – душа, ср.: лит.бур. һүнэйгэн – душа, халх. сүнс id, калм. сүмсн id, стп.-м. sünisun и т.д.

В шаманских призываниях тункинских бурят в первую очередь упоминаются пять хатов (Түнхэни табан хүшэтэн – пять тункинских силачей): Хэрэни тэбхэр (гора с ровной плоской вершиной или, как называют её, "столовая гора"), Шаргай Нойон баабай или Бурхан баабай (хозяин горы Шабарта), Бүрэн хаан (хозяин горы мүнхэ-Нарьдаг), Буха Нойон баабай или Ринчин хаан и Алтэн Мундарга или Улаан һаскуһан (хозяин тункинских гольцов). Только после них об-

ращаются к духам местности (үтэгэй үбгэдтэ, эжэдтэ). В этом параграфе приводятся тексты шаманских призываний.

В § 2 "Лексика обрядов ламаистской религии" описывается история проникновения ламаизма в Тункинский край в конце XIX века, как ламы приспосабливались к местным условиям, чтобы превратить традиционно-шаманские культы в ламаистскую. Они обратили особое внимание на главные культы тункинских бурят, как Буха Нойон баабай и Шаргай Нойон баабай, переименовав их в Ринчин хаана и Бурхан баабай.

Ламаистские обряды и их лексика, распространенные среди тункинских бурят, не отличаются от общепурятских и общемонгольских. Известно, что термины, связанные с жизнью и порядками ламаистских монастырей, религиозными обрядами и представлениями, в большинстве своем заимствованные с тибетского языка. Здесь рассмотрены названия храмовых культов - шести больших хуралов (Новогодний, Гандан Шунсэрмэ, Лхабдуйсэн, Круговращения Майдари, Дуйнхор, Зула) и бытовой обрядности, как ном уншэлга (чтение священных тибетских текстов), паскуна хураха (чтение текстов обряда сажусанов - гениев-хранителей), гурэм хэлгэ - ламаистский молебен, направленный на изгнание духов, бунэне дуудалга - обряд призывания души человека, арьчим - ритуал подавления нечистой силы, амин золиг - обряд выкупа жизни амин, амин - лит. бур. 1. дыхание, 2. жизнь, 3. едок, душа; амин - выкуп, залог, 2. религиозный обряд (фигурки из теста или дерева, которая служила "заменой", "выкупом" за больного.

В заключении подводятся итоги проделанного сравнительного изучения диалектной лексики тункинских бурят. Результатом исследования является рассмотрение обрядов по семантическим группам и выявление специфической лексики тункинского говора: үүбэй - люль-

ка, колыбель, самалгаа – калым, хүнжэлын бэрээдэһэн – пир одеяла, түлбэри, зүү хурабшайн мүнгэн – подарок невесте при сватании, ходороон – проводы невесты, наада эндэлгэ – расторжение ёхора на свадьбе, сэмэлгэ – одаривание подарками жениха и невесты, эрниг – калитка, яваншаа соол – дом с четырехскатной крышей, халисног – летний сарай для телят, шара һайб – молочная сыворотка, хайнаг – помесь яка с коровой, ортоомо – помесь сарлына с хайнаком, уһа гүзээн – приплод от ортоомы, хүхэ һүдэн – приплод от уһа гүзээн, зари – кастрированный олень старше 4-х лет, хүдзэхэ – мычать (о сарлыке и хайнаке), тииргэн (сииргэн) – стойбище или изгородь для скота, гутаар – молоко третьей дойки, үүнэхэ – тревожно мычать, жэм – звериная тропа, тарим – охотничья тропа, шандицуур – колокольчик, мараа – солонцы, марса – искусственные солонцы, салма – аркан, буртан – сало в нижней части брюшной полости животных, можо сэмгэн – берцовая кость, дэбтээртэ һууха – охота в засаде, устроенной на дереве, гэндэ – соболь-самец, хабтагай хүлтэ – росомеха, үнгэн – мездра, эрээн гүрөөһэн – рысь, эмэ ногоон – верблюдица, даспаан – оленья самка, тагалтар – двухлетний изюбр, гуйбалха – ловить изюбра арканом, заргал ехэ буга – большой с тёмными полосами марал, зуһаг зерэ – двухлетняя дикая коза, бадангаа – кабарга, үнгэлэй – мускусная струя кабарги, бэдээхэй – самка кабарги, ембэ – маленькая медная чаша со складываемой треногой, түээнсэг – круглая кожаная сумка под продукты, матаар аяга – чашка, пиала, сделанная из нароста березы, отогой толгой – руководитель охоты, таабай – дед, старик, дедушка, теэбээ – бабушка.

В целом словарный состав тункинского говора в отношении бытовой и обрядовой лексики близок к западнобурятскому, а восточному он близок главным образом в отношении буддийско-ламских и отчасти общественно-политических терминов. Общие западнобурятские

термины: һаб - сухожильная нить, сии - сухой измельченный навоз, Сонсогой - сосновая шишка, удхэ - приемственность, род, туурга - маленькие березки на обряде тайлган, өөбэй - люлька, колыбель, хүлхэхэ - страдать от глаза, энделяята - бескалымный, обменный брак, гуйлга - подарок, гостинец, соол - дом; печь, шагаабар - окно, оёор - пол, үһээ - потолок, хаяа - стена, аб гаргалга - изгнание, освобождение от колдовства и др.

В обрядовой лексике тункинского говора, как и в литературном бурятском, современном монгольском, калмыцком, в основном встречаются устойчивые словосочетания: хүйнэ хүндэхэ, үүбэйдэ оруулха, зула бадараалга, наада эндэлгэ, гал тасилга, оро заһалган, наһа бараха, турэлөө олохо, яһа бариха, шара һайб, үһа гузээн, мараа һасихэ, отогой толгой, хэбтэгай хүлтэ, һүнэһөө зайлаха, түнхэни табан хүшэтэн, үһан тарим и т.д.

Этнокультурный лексический материал тункинского говора по рассмотренным обрядам представляет огромный пласт терминов национально-специфических реалий. Рассмотренные материалы по традиционным обрядам тункинских бурят и результаты их этнолингвистического исследования позволяют сделать вывод о том, что этническая история и история материальной и духовной культуры бурят представляют собой продукт сложных этнических процессов и культурных взаимовлияний народов, населяющих эту огромную историко-этнографическую область как Центральная Азия.

Рассмотренный слой лексики тункинского говора в своей основной части является общемонгольским и по семантике отражает экономические и культурные связи кочевников-скотоводов с тюркским миром. В целом словарный состав тункинского говора в отношении бытовой и обрядовой лексики близок к западнобурятскому, особенно аларскому. А также у тункинских бурят ощущается довольно сильное влияние ламаизма, что находит своё отражение и в обрядовой лексике.

ке. Несомненно большую группу лексем в пределах нашей тематики составляют русские заимствования.

Диалектное лексическое богатство, зафиксированное в диссертации, может послужить источником пополнения и обогащения словарного состава литературного бурятского языка.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Лексика обрядов и обычаев тункинцев, связанных со строительством жилища // Цыбиковские чтения-6: проблемы истории и культуры монгольских народов. Улан-Удэ, 1993. Сб. БИОН СО РАН. Тезисы научного доклада.

2. Лексика духовной культуры тункинских бурят // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ, 1994. Сб. БИОН СО РАН (0,5 п.л.).

3. Формирование этнокультурной лексики студентов факультета начальных классов // Этнопсихология и этнопедагогика в школах Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1994. Сб. БПИ. Тезисы научного доклада.

4. Сравнительная лексика по народным знаниям у тункинских бурят // Историко-сравнительное исследование монгольских языков. Улан-Удэ, 1995. Сб. БИОН СО РАН (0,5 п.л.).

5. Шаманская лексика тункинских бурят // Проблемы бурятской лексикологии. Улан-Удэ, 1996. Сб. БИОН СО РАН (0,8 п.л.), в печати.

Файсиа